

него дня; 3) отличия от мыслителей-традиционалистов в трактовке толкования и в определении границ допустимости интерпретации не являются радикальными, скорее всего, идеи модернистов представляют логическое продолжение традиционалистского подхода с целью не разрушить ядро традиций ислама, а раскрыть его методологическую значимость для понимания и объяснения трансформационных социальных процессов; 4) кораническая герменевтика в рамках исламского модернизма представляет собой сочетание двух горизонтов: интерпретации и текста, или настоящего и прошлого; 5) общая цель представителей исламского модернизма заключается в преодолении стагнации и отставания мусульманского мира от западных стран, а инструментом для этого видится возрождение практик иджтихада.

Список использованных источников

1. Fazlur Rahman, İslâm'da Canlandırma ve Reform Hareketleri, Çeviren: Adil Çiftçi, İslamî Yenilenme/Makaleler III, Ankara Okulu, Ankara 2002.

2. Mehmet Aydın, “Fazlur Rahman ve İslam Modernizmi”, Fazlur Rahman’ın İslam adlı yapıtının çevirisi içinde, Selçuk Yayınları, Ankara 1993.

3. Macit Fahri, İslâm Felsefesi Tarihi, Çeviren: Kasın Turhan, İklim Yayınları, İstanbul, 1992.

4. Fazlur Rahman, “Kısa Bir Hayat Hikâyesi”, Çeviren: Adil Çiftçi, İslamî Yenilenme/Makaleler III, Ankara Okulu, Ankara 2002.

5. Fazlur Rahman, “İslami Yenilenme: Alanı, Yöntemi ve Sunduğu Seçenekler”, Çeviren: Adil Çiftçi, İslamî Yenilenme/Makaleler III, Ankara Okulu, Ankara 2002.

6. Hüseyin Atay, Dinde Reform ve Atatürk'ten Kesitler, Atay ve Atay, Ankara, 2003.

(Дата подачи: 07.02.2024 г.)

В. В. Павлова

Белорусский государственный университет, Минск

V. V. Pavlova

Belarusian State University, Minsk

УДК 179.3

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК В ФОРМИРОВАНИИ ЭТИКИ ОТНОШЕНИЯ К ЖИВОТНЫМ

THE ROLE OF SOCIAL PRACTICES IN SHAPING ANIMAL ETHICS

Социальные практики – важнейший, но недостаточно исследованный фактор, формирующий этику отношения к животным в её прикладном аспекте. Смещение фокуса с этико-философских теорий на их практическую реализацию, изучение социальных практик как самостоятельного источника моральных норм и ценностей позволяет изу-

чить действительные механизмы функционирования этики обращения с животными, раскрыть этический статус животных, и дополнить этические принципы отношения к животным действенными конкретными и ситуативными способами достижения бла-га для них.

Ключевые слова: этика отношения к животным; социальные практики; моральный статус животных; бесстатусные животные.

Social practices are the most important, but insufficiently researched factor shaping the animal ethics in its applied aspect. Shifting the focus from ethical and philosophical theories to their practical implementation, the study of social practices as an independent source of moral norms and values allows us to study the actual mechanisms of functioning of animal ethics, to reveal the ethical status of animals, and to complement the ethical principles of treating animals with effective concrete and situational ways to achieve good for them.

Keywords: animal ethics; social practices; moral status of animals; status-free animals.

Этика отношения к животным как часть этико-философского знания имеет довольно устойчивый статус и детально проработана в поле философской рефлексии, где разработаны теоретические подходы, созданы целые направления, имеется ряд значимых трудов. В то же время этика отношения к животным является неотъемлемой частью этико-прикладного знания, однако эта сторона обычно рассматривается как второстепенная или игнорируется несмотря на то, что практическое применение этики отношения к животным необходимо в повседневной жизни и является актуальным для каждого человека.

В настоящий момент исследование прикладной стороны этики отношения к животным не имеет широкого распространения в научной литературе. Весомой работой, указавшей на недостаточность нормативной этики и философских теорий для их применения на практике, является статья Дэвида Фрейзера [1]; обширное прикладное исследование «серых пятен морали» по отношению к животным в Швеции было проведено Сарой Андерсон [2]; изучению ситуативной этики в деятельности сотрудников убежищ для животных посвящена работа Н. Е. Татаркиной [3]. Поскольку актуальные исследования показывают, что не только этико-философские идеи оказывают влияние на социальные практики, но и сами практики являются источником этических установок, целью статьи является характеристика роли социальных практик в формировании этики отношения к животным.

Формат обращения с животными складывается на основе устоявшихся культурных и социальных норм, где обязательную роль играет личное отношение конкретного человека к конкретному животному либо к животным в целом. Так этика отношения к животным получает значительную конкретно-практическую базу, лежащую в её основе. И если личное отношение всегда остаётся индивидуально сформированным, то социальные практики доступны для этико-философского анализа.

Под социальными практиками принято понимать конкретные привычные типичные действия в пределах некоторого сообщества или общества,

которые обеспечивают функционирование социальных институтов. Социальные практики формируют представления о допустимом и недопустимом, о границе свободы действий. Этические границы самих практик при этом задаются, как правило, доминирующими в культуре и обществе ценностями. Непосредственная взаимосвязь между ценностями и практиками позволяет изменять привычный образ действий, порядок и уклад в социальных структурах, а также представления о норме через развитие отдельных социальных практик, либо напротив через их ослабление.

Социальная практика складывается под влиянием необходимости решить определённую проблему и является ответом на объективный запрос со стороны общества. Как правило, процесс этот проходит путём проб и ошибок, прежде чем социальная практика сформируется в действующий механизм, решающий поставленную задачу [4]. Обязательными атрибутами социальной практики является наличие трёх основных компонентов, которые в совокупности характеризуют содержание этого понятия: 1) регулярная повторяемость определенных действий; 2) разделение данного регулярно воспроизводимого способа действия неким сообществом; 3) наличие смыслового основания, «ядра» практик, объясняющего тот способ, которым проявляются и «закрепляются» социальные практики [5].

Эволюция социальных практик приводит к формированию новых либо к трансформации уже существующих социальных институтов. Изучение взаимосвязи изменений в социальных практиках и социальных институтах позволяет выяснить, как накапливающиеся сдвиги в «низовых» практиках постепенно приводят к качественной трансформации самих социальных институтов. Наряду с целенаправленным реформированием институтов «сверху» осуществляется их спонтанное изменение «снизу». Это означает, что преобразование институциональной структуры общества представляет собой в первую очередь социокультурный процесс, внешним проявлением которого служит качественное изменение массовых социальных практик [6].

Наличие смыслового и ценностного ядра в самой структуре социальной практики, её общая подвижность и соотнесённость с актуальными общественными запросами позволяют рассматривать социальные практики, затрагивающие животных, как *самостоятельный фактор, с необходимостью определяющий содержание этики отношения к животным*. Сложившиеся естественным образом социальные практики, закреплённые в социальных институтах, не только воплощают в жизнь наличные этико-философские идеи, но сами могут диктовать этический статус животного. Одновременно с этим социальные практики способны в полной мере отражать философские представления о статусе животного: рассматривать животное как объект для упражнения в нравственности; биоавтомат; субъект жизни, чувствующий боль; не-человеческое животное; Другой/Иной; животное как ресурс [7]. Таким образом, изучение социальных практик, затрагивающих животных, позволит найти этические основания, естественным образом

укоренённые в типичных ситуациях обращения с животными и формирующие отношение к ним.

Социальные практики, имеющие отношение к животным, можно типологизировать по критерию места и роли самого животного в практике. Животное в этих практиках может выступать как в роли активного участника какой-либо деятельности, так и быть объектом, с которым производят манипуляции. Однако обязательным критерием является определение этического статуса животного, признание его важности, реальной или символической ценности, инструментальной необходимости или незаменимости. Степень самостоятельности и тот уровень проявления собственных интересов, которые позволяют выразить животному в процессе реализации практики, коррелируют с его этическим статусом, закрепляются с каждым повторением этой социальной практики.

Общее ценностное и смысловое поле, в котором находятся участники конкретной практики, является для них доминирующим. Их понимание места, роли, статуса и ценности животного будет отличаться от представлений людей, находящихся вне контекста этого поля, что может привести к конфликту и сделать невозможной эффективную коммуникацию. При этом каждая сторона может апеллировать к равно весомым этическим основаниям и аргументам, опираясь на различные, но фундаментальные ценности или этические теории.

Подробнее стоит остановиться на механизме взаимодействия социальных практик с философскими представлениями о животных. И то, и другое является источником нравственных установок по отношению к животным. Социальные практики формируют прикладное обоснование этических норм и апробируют их, философские теории содержат универсальные ценностные установки, широко разделяемые в обществе. Базовая нравственная позиция, при которой должное и сущее совпадают, состоит в том, что ответственность за животное несёт человек; животное – это живое существо, пренебрежение vitalностью которого аморально; гуманное отношение к животным необходимо и правильно и т. п. Например, вегетарианство по этическим соображениям находит отражение в некоторых культурных и религиозных традициях и одновременно разделяет мотивацию философии ненасилия, этику благоговения перед жизнью, может поддерживаться и экологической этикой ради сокращения сельскохозяйственного производства.

Однако главный интерес представляют ситуации несовпадения практики (устоявшейся традиции) обращения с животным с этико-философской установкой. Представления о благе для животных в большинстве случаев строятся на понимании блага человеком, на привычных человеку ценностях, интересах, потребностях, а также на стереотипах человека о самих животных. В этом плане этика как таковая и этика отношения к животным как особый её раздел наглядно демонстрируют разницу в эффективности и применимости. Этичность мотивов и действие из искренних моральных чувств способны в одной практической ситуации действительно послужить

совершению нравственного поступка, но уже в другой ситуации стать причиной негативных последствий. Спрогнозировать и отличить одну ситуацию от другой невозможно без обращения к практическому опыту. Пожалуй, лишь ригористическая этика может не брать в расчёт вариативность последствий, а фокусироваться лишь на нравственности мотивов поступка, но для этического отношения к животным ее явно недостаточно.

Один из наиболее распространённых примеров практики, ведущей к негативным последствиям при благих намерениях – подкормка водоплавающих птиц в черте города. Во-первых, зачастую предлагаемая пища вредна для них; во-вторых, сам факт нерегулярной подкормки крайне мешает процессу миграции и часто приводит к гибели птиц, сбивает естественный процесс самостоятельного фуражирования (поиска диких пищевых ресурсов); в-третьих, усугубляет загрязнение водоёмов из-за постоянного пребывания там птиц. Однако, несмотря на такие последствия и запрещающие знаки по берегам, многие горожане продолжают эту практику, не заботясь о последствиях, продолжая считать подкормку лебедей и уток нравственным поступком для себя и благом для животных.

Ещё один наглядный и распространённый пример – изъятие найденных детёнышей диких животных: практически наверняка желание спасти и помочь обнаруженному животному приводит к тому, что оно больше не сможет вернуться назад в привычную среду обитания. Найденышей, как правило, определяют в приюты для животных либо пытаются выходить самостоятельно, не имея знаний и опыта. И если в первом случае при квалифицированной и затратной реабилитации есть небольшой шанс вернуть подросшее животное в природу к самостоятельной жизни, то во втором случае почти наверняка животное погибнет.

Однако существуют и примеры того, что нравственно должное может корректировать аморальные практики. Сомнительные в этическом отношении действия по отношению к животному могут быть обоснованы рядом аргументов: практика проходит апробацию и ещё будет скорректирована; аморальность поступка осознанно допускается ради получения иных выгод; практика вовсе не считается аморальной с точки зрения вовлечённых в неё участников. Первый случай – образец становления социальной практики, результаты которого ещё предстоит оценить в дальнейшем. Например, ловля дронов орлами: потенциально опасная для птиц «работа», стратегическая важность которой пока признаётся превыше потенциального ущерба для птиц. Во втором случае практика ставит во главу угла иные ценности, нежели этическое отношение к животным и не рассматривает животное как таковое в качестве ценности. А значит, животное не претендует даже на роль важного ресурса, и, вероятнее всего, является побочным ущербом или восполняемым сырьём. Так необходимый для сельского хозяйства весенний покос разливных лугов в районе реки Припять приводит к тому, что в период гнездования птиц в процессе машинного покоса обезглавливается большое количество куликов и погибают их кладки. Третья ситуация, как прави-

ло, разворачивается в поле нравов и обычаев ограниченного числа людей, где трансляция идей об аморальности обращения с животными подобным образом не может повлиять на устоявшийся бытовой или культурный уклад. Так пищевая привычка употребления мяса кошек или собак, а также способ его подготовки к приговлению для большинства людей кажутся крайне аморальными, однако для определённых культур это является нормой.

В ряде случаев этика отношения к животным не оказывает ни идейного, ни практического влияния на аморальные с её точки зрения поступки в отношении животных потому, что эти практики принципиально вне-этичны, они не имеют нравственного содержания в своей смысловой структуре. Например, борьба с вредителями для защиты своего имущества не различает виды вредителей. Это может быть домовая мышь в продуктовых кладовках, насекомые, угрожающие красоте цветников, либо плесень, поразившая гнилью дерево. Животное-вредитель перестаёт рассматриваться как животное и превращается в хозяйственно-бытовую проблему, а практическая ситуация выходит из-под влияния этики.

В то же время *многие социальные практики предполагают, что животные обладают определенным и, в частности, нравственным статусом.* Социальные практики содержат в своей структуре этическую составляющую, и потому поступают с животными компромиссно. По мере возможности и в зависимости от вида социальной практики поступок с животным сохраняет нравственный посыл, благодаря которому могут активно проводиться мероприятия, направленные на *действительную* защиту животного. При этом изначально ставятся цели, учитывающие приоритет интересов человека и общества над интересами животного либо, если защита животных и есть цель практики, при её выполнении учитываются реальные возможности, риски и выгоды как для человека, так и для животного.

Развитые социальные практики, как правило, уже имеют формы институционализации либо способны к их формированию. Эти институты подвижны и способны адаптироваться под новые реалии, но и в обратном направлении могут стать причиной косности системы отношений и правил обращения с животными, если по каким-либо причинам не среагируют должным образом на изменившиеся обстоятельства.

Возможна ситуация, когда конкретная практика одновременно может рассматриваться с разных позиций, например, когда животное одновременно может обладать несколькими статусами. Это потенциально именно та ситуация, когда нравственно оправданным может стать принятие решения, исходя из интересов животного потому, что животное уже вдвойне значимо по разным основаниям. Если вынести за скобки экономические, политические, культурные и другие аргументы, то этические мотивы приобретают столь сильную позицию, что становятся ведущими в стратегии отношения к животным на практике. Предпочтение этических мотивов прочим является показателем высокого уровня не только морального сознания, но и общего развития социума. В свою очередь игнорирование и пренебрежение

интересами животных в ситуации, где эти интересы являются предметом рассмотрения как минимум с двух этических позиций, демонстрирует глубокую оторванность участников от базовых идеалов гуманности, практически отказывая животным в этичном отношении в принципе.

Стоит ещё раз напомнить, что бесстатусные животные не участвуют в социальных практиках, так как не воспринимаются в качестве животных, не обладают внутренней ценностью и внешней социальной значимостью. Влияние этики на положение дел в таких сугубо прикладных ситуациях, как правило, крайне незначительно, и изменить положение животного в этом случае могут сами участники практики, если того пожелают, или если на то будет производственная необходимость.

Изучение социальных практик, если и не дополняет эτικο-философский базис новыми теориями, то по крайней мере может задать границы его применимости и легитимности в каждой конкретной ситуации. Уже сейчас применение эτικο-философского и эτικο-прикладного подходов позволяет обозначить демаркационную линию, разделяющую ситуации с животными на те, где на них распространяется этическое отношение, и те, которые не попадают в поле этической регуляции. Это разделение происходит по статусу животного, при этом животные, участвующие в социальных практиках – всегда статусные.

Важным итогом дополнения эτικο-философского подхода рассмотрением практик является *действительное* достижение этических целей – реальное улучшение жизни животного. Социальные практики уже прошли свой путь становления и апробации и потому способны дать ответ на вопрос, как изменится жизнь животного и какие будут конечные результаты, если поступить этично в конкретной ситуации. Более того, именно практики смогут подсказать наиболее этичный из доступных путей разрешения ситуации, если философская теория его не сформулировала.

Таким образом, социальные практики являются широко распространенным локальным источником этичного отношения к животным. Роль практик в формировании этики отношения к животным состоит в том, что они:

- закрепляют представление о статусе животного, включая его этическую компоненту, которая с необходимостью присутствует в структуре самой социальной практики;
- позволяют этически типологизировать отношение к животным, задать вектор и границы этого отношения, подобрать доминирующую этическую теорию для использования в этих границах;
- реализуют этику отношения к животным с учётом (не)понимания животными нравственности и гуманности поступков таким образом, чтобы конечный итог способствовал увеличению реального блага для животных;
- позволяют актуализировать прикладные аспекты этики отношения с животными через реформы и оптимизацию институтов.

В свою очередь эτικο-философские теории об отношении к животным находят отражение в уже устоявшихся практических нормах, а не только формируют их.

Список использованных источников

1. *Fraser, D. A* “practical” ethic for animals / D. Fraser. – Journal of agricultural and environmental ethics. – 2012. – № 25(5). – P. 721–746.
2. *Anderson, S.* Animal ethics between theory and praxis: exploring differential ethical standards toward wildlife / S. Anderson. – Second cycle, A2E. Uppsala: SLU, Dept. of Urban and Rural Development, 2016. – 32 p.
3. *Татаркина, Н. Е.* Есть нельзя любить: ситуативная этика в отношении к животным (на примере сотрудников австрийского убежища для животных): магистерская диссертация по направлению подготовки: 46.04.03 – Антропология и этнология / Н. Е. Татаркина. – Томск: [б.и.], 2021. – 119 с.
4. *Бусыгина, Н. П.* Типология практик и ее значение для их доказательного обоснования и экспертной оценки [Электронный ресурс] / Н. П. Бусыгина, Т. Г. Подушкина, А. В. Засимова // Социальные науки и детство. – 2022. – Т. 3. – № 2. – С. 10–23.
5. *Дьяков, А. А.* Теория практик: социально-философский потенциал концепции / А. А. Дьяков // Изв. Саратов. ун-та Сер. Философия. Психология. Педагогика [Электронный ресурс]. – 2011. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-praktik-sotsialno-filosofskiy-potentsial-kontseptsii>. – Дата доступа: 22.06.2023.
6. *Глушко, И. В.* Социальные практики как социально-философская проблема / И. В. Глушко // Научно-методический электронный журнал «Концепт» [Электронный ресурс]. – 2018. – № 2 (февраль). – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2018/183006.htm>. – Дата доступа: 19.09.2023.
7. *Павлова, В. В.* Место и роль философского подхода в этике отношения к животным / В. В. Павлова // Научные труды Респ. ин-та высш. шк. Философско-гуманитар. науки: сб. науч. статей. / редкол.: В. А. Гайсёнок [и др.]. – Вып. 22. – Минск: РИВШ, 2023. – С. 202–208.

(Дата подачи: 15.02.2024 г.)

Ю. П. Середа

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск

Y. Serada

The Institute of Philosophy of The National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk

УДК 331.5:[338:004]

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДА В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ

TRANSFORMATION OF WORK IN THE CONTEXT OF DIGITAL REALITY: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS

В статье анализируется специфика динамики трудовой сферы в контексте формирования новых социально-экономических условий. Трансформационные процессы цифро-